

В. Г. Белинский

**Робинзон Крузе. Роман для
детей. Сочинение Кампе**

Виссарион Григорьевич Белинский

Робинзон Крузе. Роман для детей. Сочинение Кампе

«...новый перевод книги Кампе не лишний в нашей литературе, так бедной сколько-нибудь сносными сочинениями для детей; тем более не лишний, что он сделан порядочно, со смыслом, и издан опрятно. Что касается до картинок, – в первой части этого новоизданного и новопереведенного «Робинзона» их только одна...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0014

**Виссарион Григорьевич
Белинский**
**Робинзон Крузе. Роман для
детей. Сочинение Кампе**

*РОБИНЗОН КРУЗЕ. Роман для детей.
Сочинение Кампе. Перевод с немецкого.
С картинками, рисованными г-м Тим-
мом и вырезанными на дереве бароном
Неттельгорстом. Часть первая.
Санкт-Петербург. 1842. В типографии
С.-Петербургской городской полиции. В
12-ю д. л. 175 стр.*

В предисловии, говоря об известности, которою так заслуженно пользуется детская книга «Робинзон Крузе»{1}, переводчик приводит мнение Руссо, из книги его «Emile ou de l'Education»:[1]

Нет ли какой-нибудь возможности сблизить столько уроков, рассеянных в таком множестве книг, соединить их под один общий предмет, который был бы доступен с первого взгляда, был бы увлекателен, заманчив, даже в этом (детском) возрасте? Если можно придумать положение, в котором все естественные нужды человека представлялись бы ощутительным образом уму ребенка и в котором способы удовлетворить этим нуждам постепенно развивались бы с такою же легкостью, то именно над этим простым и живым изображением такого положения надобно прежде всего заставить работать воображение ребенка.

Я уже вижу, как разгорается твое собственное воображение, пламенный философ. Но не хлопочи по-пустому; это положение найдено, – оно описано, и, не

в обиду тебе, гораздо лучше, нежели можешь ты описать, по крайней мере гораздо проще и ближе к истине. Если нам непременно нужны книги, то, по моему мнению, есть такая книга, в которой находится самый превосходный трактат о воспитании. Эта книга будет первая, которую прочтет мой Эмиль; долгое время в ней будет заключаться вся его библиотека, и навсегда в его библиотеке она займет важное место. Эта книга будет текст, которому все наши беседы о естественной истории станут служить комментариями. Она будет служить критерием успехов в развитии нашей судительной силы, и до тех пор, пока не испортится вкус наш, чтение ее всегда будет доставлять нам удовольствие. Что же это за книга – эта удивительная книга? Что это? Аристотель? Плиний? Бюффон? – Нет, это – «Робинзон Крузе».

Робинзон Крузе на своем острове, один-одинехонек, лишенный и сообщества себе подобных и инструментов всякого рода, а между тем снабжающий себя всем необходимым для своего поло-

жения, для своего сохранения, и, мало того, достигающий даже до некоторого благосостояния, вот предмет, который можно тысячами способов сделать интересным. Вот каким образом осуществим мы пустынный остров, который сначала служил для меня только уподоблением. Это положение, конечно, не есть положение человека общественного; натурально, что оно не должно быть и положением Эмиля; но по этому именно положению, он должен ценить все другие. Самое верное средство – возвыситься над предубеждениями и утвердить понятия свои на истинных отношениях вещей, состоит в том, чтоб поставить себя на место человека, отъединенного от общества, и судить обо всем так, как должен судить сам он, в отношении к своей собственной пользе. Роман этот, очищенный от всего лишнего, начинающийся кораблекрушением Робинзона близ его острова и оканчивающийся прибытием корабля, который избавляет его, в одно и то же время будет и забавою и учебником Эмиля. Я хочу, чтоб этот роман

вскружил ему голову, чтоб мой Эмиль беспрестанно думал о Робинзоновом жилище, об его ламах, о его плантациях; чтоб он узнал в подробности, не из книг, но на самом деле, все, что надобно знать в подобных обстоятельствах; пусть он самого себя воображает Робинзоном, пусть кажется ему, что он одет в кожи, что на голове у него большая шапка, в руке копье, что у него весь странный костюм и все необыкновенные принадлежности Робинзона, даже до зонтика, хоть в нем не будет он иметь никакой нужды. Я хочу, чтоб он тревожился о том, какие взять меры, если у него случится недостаток в том или другом: пусть он внимательно разбирает поступки своего героя, пусть ищет он, не выпустил ли тот чего из виду, нельзя ли было сделать что-нибудь лучше; пусть он со всевозможным вниманием замечает его ошибки и пользуется ими, чтоб самому при случае не впасть в такую же ошибку; не думайте, чтоб у него не родилось желания поробинзонить: в этом именно будет заключаться настоящий воздушный

замок сего счастливого возраста...
И эта мечтательность детства – ка-
ким благим средством будет слу-
жить она для человека искусного, ко-
торый умел возбудить ее в ребенке,
для того чтоб обратить в пользу. Ре-
бенок от нетерпения – устроить себе
магазин на своем острове, будет с
большим жаром учиться, нежели на-
ставник его учить. Он будет старать-
ся узнать все, что полезно, и лишь
только то, что полезно: вам уже не
нужно будет вести его, нет – а разве
удерживать.

Затем переводчик, объясняя, что Руссо го-
ворит не о «Робинзоне» немца Кампе, а о «Ро-
бинзоне» англичанина Даниэля Фоз, прибав-
ляет:

Но добрый Жан-Жак, говоря о том Ро-
бинзоне, которого он имел в виду, не
совсем верно выражается, что буд-
то бы Робинзон на своем острове,
«*depourvu des instruments de tous les
arts*»; [2] нет, Робинзон Даниэля Фоз по-
падает на остров не совсем с голыми
руками: у него есть карманный ножик,
есть кремень, трут, а в скором време-

ни с разбитого корабля он добывает себе многие инструменты: топор, пилу, наконец ружья, порох и пр. От этого «Робинзон» теряет много занимательности для юных читателей, потому что хотя он и уединен на острове, удален от общественной жизни, но не лишен многих орудий, которые доставила ему именно жизнь общественная.

Здесь г. переводчик гораздо больше «не совсем верно выражается», чем добрый Жан-Жак, и ровно дважды грешит против истины. Во-первых, эпитет *добро́го* (граничащий своим значением с эпитетом «простодушного») нисколько нейдет к Руссо, к имени которого гораздо больше шел бы эпитет *гениального* и титул великого писателя. Руссо не был философом в новейшем смысле этого слова, в смысле ученого, который занимается философией как наукою и для которого философия имеет чисто ученый, кабинетный интерес, вне жизни; но Руссо был мудрец, в смысле древних, то есть человек, которого вся жизнь была мышлением, которого мышление было любовью, а любовь мышлением... Руссо не со-

здал никакой философской системы, но обогатил идеями новейшую философию, так что сам Гегель ссылается на него, как на величайший авторитет.

И Руссо был прав, видя столь важную для воспитания книгу в «Робинзоне» Даниэля Фозэ; а переводчик Кампе совсем не прав, отдавая преимущество переведенной им книге перед «Робинзоном» английским. Правда, английский Робинзон очутился на острове с ножом, трубкою и малым количеством табаку в кармане и вскоре перевез с корабля все ему нужное; но это обстоятельство нисколько не ослабило основной мысли романа – мысли человека, поставленного в необходимость, для поддержки своего существования, бороться со всевозможными препятствиями и побеждать их, развивая в себе спавшую дотол способность изобретательности и одним собою представляя целое общество; ибо всевозможные орудия работы были бы Робинзону, ничему не учившемуся с малолетства, совершенно бесполезны, если бы необходимость и чувство самосохранения, вместо того чтоб убить его энергию, напротив, не укрепили ее

и не вызвали на борьбу всех сил духа его, самому ему дотоле неизвестных. Сверх того, Робинзон Фоз запасся ружьями, порохом, компасами, математическими инструментами, зрительными трубками и книгами; но не имеет кирки, лопаток, заступов, игол, ниток, полотна и многого другого. Делая себе стол и стул, он принужден был рубить целое дерево и, обрубив сучья, тесать его до тех пор, пока не выходила из него доска желаемой толщины. Следовательно, «добрый» Руссо был прав, говоря о Робинзоне, как о человеке, лишенном необходимых инструментов.

Вообще, «Робинзон» Фоз несравненно лучше «Робинзона» Кампе: последний состоит, большею частью, из пиетистических и резонерских разговоров отца, рассказывающего детям историю Робинзона. Эти разговоры для детей более способны произвести в детях скуку и отвращение к морали, чем быть для них наставительными. «Робинзон» Фоз большею частью наполнен рассказом, которого интереса и занимательности для детей ни с чем нельзя сравнить; рассуждениями он наскучает довольно редко. Этот первоначальный и

истинный «Робинзон» был переведен и по-русски (с французского перевода) в 1814 году под заглавием: «Жизнь и приключения Робинзона Круза, природного англичанина. Переведена с французского Яковом Трусовым».

Во всяком случае, и новый перевод книги Кампе не лишней в нашей литературе, так бедной сколько-нибудь сносными сочинениями для детей; тем более не лишней, что он сделан порядочно, со смыслом, и издан опрятно. Что касается до картинок, – в первой части этого новоизданного и новопереведенного «Робинзона» их только одна, представляющая грудное изображение Робинзона с бородою и в каком-то колпаке; остальные шесть не что иное, как виньетки, и притом весьма посредственные.

Примечания

Робинзон Крузе. Роман для детей. Сочинение Кампе (с. 284–287). Впервые – «Отечественные записки», 1842, т. XXII, № 6, отд. VI «Библиографическая хроника», с. 57–59 (ц. р. 31 мая; вып. в свет 1 июня). Без подписи. Вошло в КСсБ, ч. VI, с. 392–394.

В рецензии речь идет об одном из многочисленных переложений романа, часто имеющих со знаменитым произведением Дефо весьма мало общего. В данном случае Белинский рецензирует перевод книги И.-Г. Кампе «Новый Робинзон».

Сноски

1

«Эмиль, или О воспитании» (фр.). – Ред.

[^^^]

2

был лишен инструментов для каких бы то ни
было ремесл (фр.). – Ред.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

По замыслу Дефо, роман вовсе не являлся «детской книгой». В полном объеме он не является ею и сейчас. Достоянием детской литературы стали лишь те главы романа, в которых повествуется о жизни Робинзона на необитаемом острове.

[^^^]

[^^^]